© 2024. Shcherbinina N. G., Avanesova E. G.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
political, sociological and economic sciences

Check for updates

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья https://elibrary.ru/zzacyy

Политический мир воображаемого: конструирование образа нации

Щербинина Нина Гаррьевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 1808-7956

Аванесова Елена Григорьевна
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 1956-8220
avanesovafsf@yandex.ru

Аннотация: Статья поднимает важную и актуальную проблему онтологии современной политической реальности, понимаемой в субъективном смысле, так как именно конституированный мир нации подает яркий пример смыслового мира, противостоящего тенденции деконструкции политических знаков. Нация определяется авторами как один из миров воображаемого и анализируется на двух уровнях исследования: теоретическом, выделяющем общие характеристики фантазийных миров и дающем описательное определение мира воображаемого; конкретном, рассматривающем символическую практику оформления таких политических миров на примере арабо-израильских антитетических репрезентаций. Цель – сформулировать определение понятия *политический мир воображаемого* и выявить смысловую структуру конкретных символических практик конституирования образа нации. Исследование проведено в русле политико-конструктивистского научного подхода, и использован метод реконструкции нации-текста, позволяющий выявить смысловую структуру данного мира, изначальной моделью которой послужил мифо-героический символический ряд элементов, воспроизведенных в фактах-конструктах конкретной политической реальности. Обоснована гипотеза о том, что «пересборка» современной нации – создание новой конструкции, знаково-ценностного обновления мира политики, испытывающего затяжной кризис легитимности. Сделан вывод, что образы наций включаются в коммуникативную сферу медиатизированной политики – новой политической реальности.

Ключевые слова: мир воображаемого, образ нации, политический смысловой мир, мифо-героическая модель реальности, конструирование ценностей

Цитирование: Щербинина Н. Г., Аванесова Е. Г. Политический мир воображаемого: конструирование образа нации. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 4. С. 522–530. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530

Поступила в редакцию 30.09.2024. Принята после рецензирования 21.10.2024. Принята в печать 28.10.2024.

full article

Imaginary Political Reality: Constructing the National Image

Nina G. Shcherbinina
Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 1808-7956

Elena G. Avanesova
Tomsk State University, Russia, Tomsk
eLibrary Author SPIN: 1956-8220
avanesovafsf@yandex.ru

Abstract: The ontology of contemporary political reality is subjective, because it is an artificial national world that provides a vivid semantic reality in order to resist the deconstruction of political semantics. A nation is an imaginary construct that can be analyzed at two levels. Theoretical research covers some general characteristics of imaginary worlds and identifies them. Empirical level provides the symbolic practice of constructing imaginary political realities. The authors studied the example of Arab-Israeli antithetical representations to define the concept of *imaginary political world*, as well as to identify the semantic practices of constituting the national image. The study relied on the political-constructivist approach to reconstruct the nation as a narrative in order to identify the semantic structure of the imaginary world based on myths and heroic symbols applied as facts aka. constructs to a particular political reality. The authors came up with an idea of a modern nation reassembled as a new structure

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

and an imaginary political reality renovated symbolically and axiologically as a result of a protracted legitimacy crisis. The new images of nations get incorporated in the communicative sphere of mediatized politics to become a new political reality.

Keywords: imaginary world, image of the nation, political semantic world, mythological and heroic model of reality, construction of values

Citation: Shcherbinina N. G., Avanesova E. G. Imaginary Political Reality: Constructing the National Image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(4): 522–530. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530

Received 30 Sep 2024. Accepted after review 21 Oct 2024. Accepted for publication 28 Oct 2024.

Введение

В контексте углубляющейся деконструкции политических текстов и знаков, когда смысловая целостность политических миров подвергается дальнейшей «разборке», рассмотрение политических фантазийных миров на примере нации очень важно и актуально. Именно мир нации, созданный воображением коллективного политического сознания, способен собрать структуру смыслового мира, задающего новую целостность, потому цель статьи – формулировка определения понятия *политический мир воображаемого* и выявление смысловой структуры конкретных символических практик конституирования образа нации.

Сущность мышления человека состоит в программировании, понимаемом с точки зрения интерпретативной теории культуры как соотнесение в процессе восприятия некой символической структуры с конструируемой структурой мира. При этом изначальная структура служит программой, которую можно считать репрезентацией или образом того, что программируется [1, с. 112], т.е. речь идет о репрезентативном образе мира, формирующем соответствующую основополагающую картину политического мира.

Данный процесс познания и самопознания мира, представленный в образах и текстах, связан с созданием культурой (и политической культурой) концепции самой себя, что служит способом культурного единения. Так создается то, что Ю. М. Лотман назвал *автомоделью культуры*, выделяющей доминанты, на основании которых конституируется некая унифицированная модель, служащая кодом в самоописании и дешифровке текстов [2, с. 419]. В семиотическом плане под *текстом* понимается любая знаковая система, обладающая смысловой целостностью и структурой, организованной по типу системы. Теория текста рассматривает текст как основную форму коммуникации, т.к. текстовое единство не поддается разрушению в процессе коммуникации, и текст передает целостное значение. Ю. М. Лотман также констатировал, что в текстах генерируются и новые смыслы, ведь сам текст представляет собой «смыслопорождающее устройство» [3, с. 155].

Итак, образы и тексты репрезентируют обнаруженное представление о политическом мире. В семиотическом плане мир воображаемой нации можно рассматривать и как текст, в котором рождаются политические смыслы, сведенные в систему символов. Тем самым нация становится предметом воображения.

Результаты

Еще Платон и Аристотель задумывались над сущностью образа и видели ее в присутствии того, что отсутствует. Другими словами, трактовка природы образа изначально связывалась с фантазийным творчеством, миром образов – миром человеческих фантазий, которые конструируются креативным независимым сознанием и являются продуктом действующего воображения. Однако необходимо различать *воображаемое* и *представление*. По мнению Ж. Ле Гоффа, представление связано с абстрагированием, созданием идеи и преобразованием действительности в ментальный образ. То есть представление связано с репродукцией действительности, тогда как воображаемое полностью относится к области креативной, поэтической. При этом воображаемое в полете творческой фантазии уносится за пределы представления, которое создает интеллект [4, с. 5–6], вследствие чего воображаемое часто превосходит интеллект и рациональное мышление в процессе успешного конструирования смыслового мира.

Так П. Рикер полагал, что воображение обладает двумя полюсами, а именно: вымыслом и галлюцинациями. Причем в процессе создания феномена воображаемого мира функция воображения переворачивается, и тогда коллективное сознание устремляется к галлюцинации, а образы становятся навязчивыми, и, кроме того, воображаемое создает ловушку для

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
political, sociological and economic sciences

памяти [5, с. 83–84]. В случае, когда оформляется политика памяти, руководимая символической властью, эта власть по определению реальности [6, с. 148] опирается на концепцию воображаемого исторического прошлого, на основе которой конструируется новая политическая реальность, творится новый мир.

Одним из наиболее востребованных подмиров-конструктов воображаемого в политике выступает феномен нации, к тому же очень часто конституируется мифическое понятие нации в форме ментального образа. Согласно К. Хюбнеру, нация вообще определяется в контексте пространства и истории, под последней понимаются выдающиеся образцовые события. Кроме того, существует масса текстов на тему нации: документы, скульптурные композиции, ритуальные комплексы и др. Особенно важны торжества, посвященные «памятным» событиям и носящие парадигматический характер. Они переносят переживания прошлого в современный мир и создают нуминозный опыт. В центре таких ритуализированных событий находится культ героев. Нация понимается как некая реальность и воспринимается сквозь призму мифа, т. к. она основана на вере в «дух народа». «"Национальное чувство" такого рода, очевидно, формируется теми же самыми онтологическими представлениями, что и мифическое понимание принадлежности к роду или племени» [7, с. 325–327, 328], что, по мнению конструктивистов, представляет собой *субъективную реальность,* смысловой мир.

В эпоху деконструкции политического знака, в случае актуализации символизма нации, политическая сфера переформируется в мир конструктивный, когда знаки имеют изначальные репрезентативные значения, а сам мир полон смысла, конституированного героической моделью интерпретации. В таком случае в центре (ядре) семиосферы – семиотического пространства, наполненного языками, – продуцируются смыслопорождающие нормативные тексты.

Национальный мир как субъективная реальность создается в виде замкнутой области значений и в контексте национальной культуры, при этом чаще всего кодируется героическим политическим мифом, языком героических мифообразов. *Замкнутая* означает, что политическая коммуникация осуществляется в контексте мира нации, но с другими политическими мирами этот мир не коммуницирует. Сегодня в мультикультурном глобальном мире культуры смешиваются, но ценности национальной культуры, символизированные образом нации, создают замкнутый автономный смысловой мир. Не происходит ни символического обмена (коммуникации), ни преобразования указанных ценностей одного мира в другой, т. к. замкнутые миры говорят на разных языках, понимаемых семиотически.

Такими языками, кодирующими тексты внутри национальной культуры, являются языки политической идеологии и политического мифа, которые создают системы значений (а идеология практически всегда опирается на миф). «Будучи разновидностью фантазма, политическое мифологизированное сознание находится в типичной установке воображения (при этом ограничиваясь героическим смысловом паттерном)» [8, с. 30]. Так картина национального мира, выстроенная на архаическом основании, воспринимается в политической современности как новая и лучшая реальность. Люди начинают буквально жить в своих переживаниях: приобщенный фантазирующий индивид и фантазирующий коллектив (активное воображение может быть и социальным феноменом) представляют свой народ в образе героической нации, которая идет трудным путем испытаний и вынуждена бороться с многочисленными врагами. Здесь *дух народа* и сам народ мыслятся в терминах героических сказаний, и моделируется героическая политическая реальность.

При нахождении в коллективной установке воображения конституируется комплекс фактов-конструктов, обращенных в историческое прошлое, а политическое настоящее символически структурируется в виде образа нации. Речь идет, по сути, о произведении художественного вымысла, разновидности креатива поэтически активного сознания и визионерского творчества в символических формах. Так национальное государство обретает внеинституциональную ипостась, позволяющую ей стать реальностью политического сознания.

Другими словами, создается символический порядок мира нации, образующий особую смысловую конфигурацию. По мнению А. Шюца, именно сознание творит «конечную область значений», представляющую собой совокупность переживаний, и конституирует ее с помощью «специфического когнитивного стиля» [9, с. 424]. При этом А. Шюц специально рассматривает группу «миров фантазии и воображения», при создании которых характеристики повседневной реальности замещаются «контекстом квазиреальных фантазмов». Движущей силой в деле сотворения конститутивного мира выступает «фантазирующее Я», но сама активность воображения безрезультативна в том смысле, что не имеет цели реализовать фантазм, тогда как «воображаемые образы» могут быть встроены

 https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530

во внешний мир с его иерархией планов и получить интенцию реализации проекта [9, с. 428–429].

Тем самым воображаемый образ нации способен изменить внешний по отношению к сознанию политический мир, сформировав соответствующую картину мира, воспринимаемую как реалистичную, хотя и образ нации создан в результате акта квазипереживания или совместного фантазийного опыта. Под *картиной мира* в таком случае понимается некая рамка или параметры, которые культура предлагает человеку. Все социально-культурное поведение задается этой картиной мира, потому что человек не может не руководствоваться ей. Она заложена в социально-культурных традициях, но может и видоизменяться под влиянием общественных практик, в том числе и практики воображения [10, с. 534].

Так, Б. Андерсон рассматривает нацию как «воображенное политическое сообщество» в единстве ряда характеристик: нация воображается ограниченной, суверенной и представляется сообществом с горизонтальными связями [11, с. 28–30]. Ученый в своем мнении исходит из положений социального конструктивизма, отмечающего, что активным воображением обладает именно общество, которое мыслит и самоопределяется как национальное единство, т.е. когда каждый человек служит частицей целого. В качестве сообщества нация «надстроена» над повседневностью и относится к политическим мирам, аппрезентированным символически. Вообще «символические процессы – это процессы сигнификации (обозначения), имеющие отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни» [12, с. 157]. Таким образом, нация как воображаемое сообщество искусственно сконструирована, обладает особой ценностью и значимостью, что символизирует политическое единство.

Однако было бы недостаточно остановиться лишь на позиции социального конструктивизма. Не только общество конструирует само себя, но и власть уже политически конструирует реальность: «мир как политически сконструированная субъективная реальность оформляется в виде смыслового мира для истолкования и обоснования политического порядка» [13, с. 52]. Таким образом, «конструктивная власть» (как ее называют авторы статьи) политически конституирует смысловой мир и оформляет эксклюзивный опыт – комплекс переживаний – в качестве особого мира [13, с. 53].

Конечно, политическое конструирование, например мира-нации, опирается на социальное конструирование нации как реальности, а конструктивная власть наряду с этим действует произвольно и инициативно, выражая то, что Н. Макиавелли называл «инициативным лидерством». Но квинтэссенцией репрезентативного смыслового мира выступает сконструированный ценностно-символический комплекс. Один национальный мир отличается от другого теми политическими ценностями, которые провозглашаются как «правильные». Данный комплекс либо связывается с будущим, либо с прошлым. Примеры национально-освободительных движений и появление новых национальных государств в XX в. свидетельствовали о преимущественном выражении интенции к будущему. Однако вдохновляющие нарративы о нации часто включают в себя идею *судьбы*, которая связана с историческим прошлым, предопределяющим настоящее.

«Столкновение» национальных миров, обладающих различными политическими ценностями, может быть чрезвычайно болезненным для их носителей, а его итогом часто становится вооруженная конфронтация. Современный мир дает массу примеров такого противостояния, и одно из самых ярких – палестино-израильский конфликт, имеющий длительную историю, актуализированный в настоящее время и не дающий надежды на окончание даже в отдаленной перспективе. Евреи и палестинцы, проживающие в непосредственной территориальной близости, остаются чуждыми друг другу «мирами», на что есть масса причин, но самая значимая – существенная разница в определении нациями «идей и ценностей, обретающих символическую форму и образующих национальное символическое пространство» [14, с. 156].

Евреи связывают начало формирования своей нации со знаковым событием – дарованием Богом на горе Синай Торы (Закона) – своеобразного законодательства, которое «скрепляет» евреев воедино. Принятие Торы означает принятие всей полноты заповедей, а их исполнение – своеобразный знак причастности к этому великому событию, знак принадлежности к народу. Следует подчеркнуть, что присутствие Бога в жизни еврейского народа является отличительной чертой его древней истории, которая изложена в Священном Писании. Бог дает евреям не только законодательство, но и территорию, Землю обетованную, которая для всех поколений евреев является Святой землей, местом, имеющим особое значение и непреложную ценность.

Более того, евреи говорят об исключительном праве еврейского народа на указанную территорию, т.к. она была дарована Аврааму (первому еврею) и его потомкам Богом: «и установлю союз между Мною и тобой и потомством твоим, союз вечный… И дам тебе и потомству твоему…

землю твоего пребывания, всю землю Ханаанскую во владение вечное»[1]. Данное обещание – не просто цитата из исторической книги, но предмет живой веры еврейского народа. Есть и другие факторы, которые подтверждают право на владение евреями Святой землей. Авраам и его потомки выкупили часть земли[2], а впоследствии сыны Израиля вели войны за владение той землей, которую они считают своей. В Земле обетованной – Эрец-Исраэль – возникло первое государство евреев.

Закон составляет основу религии евреев – иудаизма, сыгравшего ключевую роль в процессе конструирования смыслового мира еврейской нации, потому что им задается особое «видение» окружающей действительности, в которой евреям отводится исключительная, отличная от других народов роль – быть богоизбранным народом. Это, по мнению евреев, не привилегия, а ответственность, состоящая в необходимости быть носителями морально-нравственных ценностей Торы: «если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников, и народом святым»[3]. Тем самым бытию еврейской нации придается «некий высший смысл» [14, с. 163].

Особый интерес представляет то обстоятельство, что «иудаизм исповедует совокупную личность – личность Израиля, которая как целостный субъект – народ Израилев – предстоит перед абсолютным Богом» [15, с. 242], т.е. ставит «во главу угла не личность, а еврейский народ как общность» [16, с. 133]. Он (иудаизм) задает культурный код нации, сила которой во внутренней сплоченности, сочетающейся «с внешней чуждостью», и позволяет определить иудаизм «по преимуществу религией общественной и политической» [15, с. 155, 157].

Именно религия евреев стала одним из факторов, позволивших им сохраниться как народу (сохранить язык, культуру и главное – веру в общность происхождения, истории, судьбы) даже в ситуации *рассеяния* и отсутствия собственного государства в течение двух тысяч лет, что является историческим исключением. Закон объединяет все поколения евреев, а основанная на нем вера прочно связывает прошлое, настоящее и будущее еврейского народа. Как пишет Н. М. Ракитянский: «тот факт, что в современном Израиле большинство евреев не являются религиозными людьми, ничего не меняет, ибо ментальная установка, которая зиждется на инвариантных догматических основаниях, действует независимо от того, считает себя еврей религиозным или нет» [15, с. 170].

Новейшая история евреев начинается с момента возникновения государства Израиль, появившегося на карте мира в середине XX в. Его «рождение» стало итогом еврейского национального движения, идейно-концептуальной основой которого явился политический сионизм [17, с. 70], обосновавший идею необходимости возрождения еврейской государственности. Данная идея подверглась критике со стороны определенной части мирового сообщества, отказывавшей евреям в признании их нацией, обосновывая это тем, что рассеяние не могло не сказаться на культуре людей, имеющих еврейские корни, но уже давно проживающих среди иноэтничного большинства. Эту проблему осознавало политическое руководство молодого государства, поэтому оно активно включилось в работу по «созданию нового израильтянина» [18], конструируя национальное символическое пространство.

Первым шагом стало обоснование связи прошлого и настоящего. В Декларации независимости Израиля (далее – Декларация), принятой 14 мая 1948 г., акцент делается на том, что современные евреи – это тот же богоизбранный народ (история которого начинается в Эрец-Исраэль), обладавший землей, завещанной ему Богом, и имеющий право «на национальное возрождение на своей земле»[4]. Исходя из этого, призыв вернуться из рассеяния – это призыв вернуться на свою Родину. В Декларации актуализируются старые политические мифы, которые легитимируют право современных евреев на суверенное владение территорией и указывают на «вечное и имманентное единство» [19] еврейского народа.

Согласно Ш. Занду, старые мифы породили новые, и «миф о вечном и внеисторическом еврейском народе-расе» [19] – один из них. Историк полагает, что некоторые библейские события не подтверждаются реальными историческими фактами, хотя у него нет сомнения в том, что большинством евреев воображаемые представления о реальности воспринимаются как сама реальность [20, с. 111].

[1] Бытие. Гл. 17. Стих: 7–8.

[2] Бытие. Гл. 23. Стих: 12–18; Бытие. Гл. 33. Стих: 19.

[3] Исход. Гл. 19. Стих: 5–6.

[4] Декларация независимости Израиля. *World ORT. Электронная еврейская энциклопедия*. URL: https://eleven.co.il/zionism/from-balfour-to-state/11392/ (дата обращения: 19.08.2024).

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530

Учитывая данное обстоятельство, политическая элита Израиля в процессе конструирования нации опиралась на мифо-историческое самосознание народа, но в то же время сама становилась заложницей исторической мифологии, которая оказывает существенное влияние на политику современного Израиля.

Так, первоначальная идея о создании светского государства и светской культуры, зафиксированная в Декларации, была «скорректирована», и светская израильская культура вобрала «в себя большинство символических ориентиров религиозного наследия» [21]. Современные государственные символы Израиля соотносятся с библейской историей, что наполняет их особыми смыслами. Звезда Давида в центре флага и минора в центре герба – ярчайшее тому подтверждение, указывающее на то, что доминирующая культура переняла «основные символы традиционного еврейского наследия» [21]. Так власть актуализирует религиозную компоненту еврейской истории, что выражается в формируемых ей официальных символах, «с помощью которых обозначается нация как данность» [14, с. 159], и конверсируются таким образом «богословско-мистические доктрины иудаизма в политические установки» [15, с. 171].

Власть использует тот символический ресурс, которым обладает вся территория Израиля и в особенности отдельные ее части, такие как Иерусалим и расположенная на его территории Храмовая гора. Согласно ожиданиям евреев, там будет восстановлен Третий Храм, воссоздание которого связывают с приходом Мессии. Им может быть только еврей, прямой потомок царя Давида, способный установить на земле царство мира, добра и справедливости. Храмовая гора имеет особый сакральный смысл – это «место памяти» [5, с. 101] о великом прошлом еврейского народа и его великом будущем, связанном с мессианскими ожиданиями евреев, основанием которых является вера в то, что Бог присутствовал не только в древней истории, но и присутствует в ней до сих пор. Это подтверждают сбывающиеся пророчества, например создание еврейского государства: «и возвратит Бог, Всесильный твой, изгнание твое… соберет тебя из всех народов, среди которых рассеял тебя Бог, Всесильный твой. <…> И приведет тебя Бог, Всесильный твой, в страну, которой овладели отцы твои, и овладеешь ею»[5].

Обращение к прошлому и актуализация религиозной компоненты еврейской истории – важные составляющие процесса конструирования современной израильской нации, но их явно недостаточно на сегодняшний день. На помощь приходит мощный «внешний» фактор, способствующий интеграции граждан в единое политическое пространство и формированию коллективного Мы-образа [14, с. 161], – наличие Врага. Библейское прошлое евреев наполнено героическими событиями и сражениями с врагом. История современного Израиля начинается с битвы с коалицией арабских государств, в которой он побеждает. Память о героических событиях древней и современной истории еврейского народа «запечатлена» в еврейских праздниках и памятных днях, которые репрезентируют культурную память народа. Израильские власти «используют» то обстоятельство, что само существование современной израильской нации напрямую связано с их способностью и готовностью сражаться за возможность жить в соответствии со своими ценностями, т. е. бороться со Злом, олицетворением которого в настоящее время являются палестинцы и та часть арабского мира, представители которой полагают, что государства евреев не должно быть.

Палестино-израильский конфликт стал мощным фактором нациогенеза как израильской, так и палестинской нации, стремящейся обрести свою государственность, и представители которой апеллируют к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 1947 г. (далее – Резолюция), декларировавшей создание на территории Палестины двух государств – еврейского и арабского. Резолюция не была полностью реализована, потому что суверенное арабское государство на территории Палестины так и не появилось.

Среди евреев популярна точка зрения, что «нет такой нации как палестинцы» [22; по: 23, с. 137], а то этническое меньшинство, которое называют палестинцами, есть просто «фрагмент» арабского суперэтноса. Палестинцы действительно являются частью арабского мира и разделяют ценности исламской культуры, но события XX в. в прямом и переносном смысле способствовали появлению и закреплению границ, отделивших «арабов Палестины от арабов соседних государств» и ставших «стимулом для проявления собственно этнической солидарности еще недавно мало задумывающихся над этим людей» [24]. Например, получение Палестиной статуса подмандатной территории, находившейся под контролем Британии, или еврейская иммиграция и создание на территории Палестины государства Израиль.

[5] Второзаконие. Гл. 30. Стих: 3–5.

Однако среди евреев и им сочувствующих существует и иная точка зрения: сами по себе эти события не стали бы достаточным основанием для формирования национальной идентичности палестинцев, следовательно, она была искусственно сконструирована, и единственной целью ее «изобретения» (и изобретения *национальных традиций*) является противостояние сионистской идеологии и борьба с Израилем. Исходя из этой логики, палестинская нация является политическим проектом арабского мира по созданию мощного фактора, который ослаблял бы Израиль изнутри.

Палестинцы не разделяют «правильные» ценности евреев, а евреи никогда не предпринимали «ни единой попытки создать общую для всех граждан символическую базу» [19]. Израильские власти, объявив о создании демократического государства, в котором будет осуществлено «полное общественное и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола»[6], довольно скоро взяли курс на строительство еврейского государства (государства евреев и для евреев). Это подвигло палестинцев к формированию собственного ценностно-смыслового политического и культурного пространства, но с опорой на традиции арабского народа, которому свойственна нерасторжимая связь с исламом, воспринимаемым верующими как «основа жизни и мерило всех вещей» [15, с. 240].

Мусульманское общество в целом характеризуется беспрецедентной политической активностью [25, с. 54], их религия определяет жизненные смыслы и политические установки любого народа, ее исповедующего, и палестинцы не являются исключением. Причастность палестинцев к арабскому миру и мусульманской умме дает им основание утверждать, что новая нация имеет свою долгую священную и героическую историю, которая переходит в героическую современность. В основании конструирования палестинской идентичности, предпринимаемой властями, стоит необходимость борьбы за создание независимого палестинского государства (борьбы со Злом) и исполнение исторической миссии, возложенной на народ, – беречь мусульманские святыни, расположенные на Святой земле. Эта необходимость «связывает» народ, делает его единой нацией и обязывает вести священную войну, чтобы отстаивать свои ценности.

Территория Палестины имеет для палестинцев тот же сакральный смысл, что и для евреев. И если для евреев Храмовая гора в Иерусалиме – это место, где Мессией будет восстановлен Третий храм, то для палестинцев – место, где уже расположены исламские мечети Аль-Акса и Купол Скалы, имеющие огромную значимость для всего мусульманского мира. Более того, это то место, которое Коран называет местом ночного путешествия пророка Мухаммада: «хвала тому, кто перенес ночью Своего раба из мечети неприкосновенной в мечеть отдаленнейшую»[7]. Для палестинцев это тоже Святая земля, и они хотят видеть Восточный Иерусалим своей столицей. Территориальный вопрос – далеко не единственная проблема в отношениях двух народов, но он обладает исключительной важностью, т. к. и евреи, и палестинцы считают эту землю своей, и «ни тот, ни другой народ не мыслит себя как исторический феномен вне этой земли» [26].

Чуждость двух смысловых миров – палестинцев и евреев – базируется на разности мифологического сознания народов, следующей из нее несхожести ценностной интерпретации действительности, и, как следствие, на различии политических установок. «Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по-своему выражает цивилизационно-политические ориентации» [25, с. 69]. На одной территории столкнулись два общества, которые в прямом и переносном смысле говорят на разных языках.

Существующий между палестинцами и евреями этнополитический конфликт способствует воспроизводству и закреплению национальной идентичности каждой из его сторон, поэтому в той или иной степени может быть использован властями для объединения общества, ведь и израильские, и палестинские власти, конструируя идентичность и систему смыслов, делают ставку не только на «включение» его членов в общие церемонии, мифы, прошлое [27, с. 84], но и на солидарность посредством борьбы с Врагом.

Заключение

Авторами был исследован политический мир воображаемого как таковой и на примере конструирования образа нации. Данная разновидность политического мира воображаемого и фантазий конструируется способом моделирования, что характерно для оформления всех смысловых миров. Образцом в данном случае выступает мифо-героическая символическая модель реальности, а активность воображения имеет социальную направленность, и политическая коммуникация обретает характер обмена мифосимволами.

[6] Декларация независимости Израиля…
[7] Коран. Сура 17. Аят: 1.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-4-522-530

Рассмотренные примеры символических практик показывают, что коллективные фантазии встраиваются во внешний мир, а объект воображения становится предметом веры. При этом политическое конструирование в лице властей состоит в организации самой практики квазипереживаний нации в качестве особой политической реальности, постоянном поддержании модели как программы, которая репрезентирует, конципирует и символизирует образ нации.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.
Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article

Литература / References

1. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с. [Geertz C. *The interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 560. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qocqvp
2. Лотман Ю. М. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика. In: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Статьи по типологии культуры*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 417–425. [Lotman Yu. M. Problems of "teaching culture" as its typological characteristic. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere. Articles on cultural typology*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000, 417–425. (In Russ.)]
3. Лотман Ю. М. Три функции текста. In: Лотман Ю. М. *Семиосфера. Внутри мыслящих миров. Ч. 1. Текст как смыслопорождающее устройство*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 155–163. [Lotman Yu. M. *Three text functions*. In: Lotman Yu. M. *Semiosphere. Inside the thinking worlds. Pt. 1. Text as a sense-generating device*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000, 155–163. (In Russ.)]
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с. [Le Goff J. *The medieval world of the imaginary*. Moscow: Progress, 2001, 440. (In Russ.)]
5. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004, 728 с. [Ricoeur P. *Memory, history, oblivion*. Moscow: Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004, 728. (In Russ.)]
6. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. *THESIS*. 1993. Вып. 2. С. 137–150. [Bourdieu P. Social space and symbolic power. *THESIS*, 1993, (2): 137–150. (In Russ.)]
7. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с. [Hubner K. *The truth of myth*. Moscow: Respublika, 1996, 448. (In Russ.)]
8. Щербинина Н. Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011. 285 с. [Shcherbinina N. G. *Mytho-heroic construction of political reality of Russia*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 285. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qonfmt
9. Шюц А. О множественных реальностях. In: Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом. Проблемы природы социальной реальности*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455. [Schütz A. On Multiple Realities. In: Schütz A. *Selected works: A world shining with meaning. Problems of the nature of social reality*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 401–455. (In Russ.)]
10. Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра. In: Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 501–541. [Gurevich A. Ya. Lucien Febvre's lessons. In: Febvre L. *Fights for history*. Moscow: Nauka, 1991, 501–541. (In Russ.)]
11. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с. [Anderson B. *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001, 288. (In Russ.)]
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с. [Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995, 323. (In Russ.)]
13. Щербинина Н. Г. Политическое конструирование действительности. In: *Политология. Новый лексикон*, ред. А. И. Соловьев. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 50–61. [Shcherbinina N. G. Political construction of reality. In: *Political science. New lexicon*, ed. Solovev A. I. Moscow: Aspekt Press, 2023, 50–61. (In Russ.)] https://elibrary.ru/gszwig

14. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*. 2017. № 5. С. 156–173. [Pushkaryova G. V. Ideas and values as a method of constructing symbolic space of the national identity. *Polis. Political Studies*, 2017, (5): 156–173. (In Russ.)] https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11
15. Ракитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: МГУ, 2020. 461 с. [Rakityansky N. M. *Mental studies of global political worlds*. Moscow: MSU, 2020, 461. (In Russ.)]
16. Воробьев В. П. Израиль: государство и религия. *Московский журнал международного права*. 2002. № 4. С. 133–160. [Vorobev V. P. Israel: State and Religion. *Moscow Journal of International Law,* 2002, (4): 133–160. (In Russ.)] https://doi.org/10.24833/0869-0049-2002-4-133-160
17. Карасова Т. А. Эволюция основных идейно-политических установок сионизма в Израиле. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2010. № 6. С. 70–79. [Karasova T. A. The evolution of the major ideological and political aims of the Zionism in Israel. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriia i sovremennost*, 2010, (6): 70–79. (In Russ.)] https://elibrary.ru/neifef
18. Ошеров М. Е. Израильские политические мифы. М.: Алгоритм, 2018. 210 с. [Osherov M. E. *Israeli political myths*. Moscow: Algoritm, 2018, 210. (In Russ.)]
19. Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М.: Эксмо, 2012. 544 с. [Sand Sh. *The invention of the Jewish people*. Moscow: Eksmo, 2012, 544. (In Russ.)] https://elibrary.ru/qpxmif
20. Кантор В. К. Русская революция, или вера в кумиры (размышления над книгой С. Л. Франка «Крушение кумиров»). *Вопросы философии*. 2009. № 1. С. 109–124. [Kantor V. K. Russian revolution or belief in idols (reflections over the S. L. Frank book "Wreck of idols"). *Voprosy filosofii*, 2009, (1): 109–124. (In Russ.)] https://elibrary.ru/jvtyor
21. Бен-Рафаэль Э. Самоидентификация различных социальных групп в современном израильском обществе. [Ben-Rafael E. *Self-identification of various social groups in modern Israeli society*. (In Russ.)] URL: https://web.archive.org/web/20100427032044/http://hedir.openu.ac.il/kurs/politic/ben-rafael.htm (дата обращения: 24.08.2024).
22. Peters J. *From time immemorial: The origins of the Arab-Jewish conflict over Palestine*. NY: Harper and Row, 1986, 601.
23. Крылов А. В., Морозов В. М. Формирование палестинской нации: основные этапы. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 3. С.135–142. [Krylov A. V., Morozov V. M. Formation of the Palestinian nation: main stages. *Etnosotsium i mezhnatsionalnaia kultura*, 2017, (3): 135–142. (In Russ.)] https://elibrary.ru/yunsrr
24. Немельштейн Д. Сущность палестино-израильского конфликта. *Проза.ру*. 2019. [Nemelshtein D. The essence of the Palestinian-Israeli conflict. *Proza.ru*, 2019. (In Russ.)] URL: https://proza.ru/2019/10/13/720 (дата обращения: 28.08.2024).
25. Ракитянский Н. М. Опыт концептуального анализа исламского менталитета в контексте политической психологии. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2012. № 5. С. 53–71. [Rakityansky N. M. Experience of the conceptual analysis of Islamic mentality in the context of political psychology. *Lomonosov Political Science Journal*, 2012, (5): 53–71. (In Russ.)] https://elibrary.ru/psznwl
26. Звягельская И. Палестино-израильский конфликт: ценностное измерение. *Перспективы*. 2010. [Zviagelskaia I. The Palestinian-Israeli conflict: The value dimension. Perspektivy, 2010. (In Russ.)] URL: https://www.perspektivy.info/book/palestino-izrailskij_konflikt_cennostnoje_izmerenije_2010-06-30.htm (дата обращения: 12.08.2024).
27. Баулина И. М. Гражданская религия в Израиле: от Бегина к Нетаньяху. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 2. С. 83–87. [Baulina I. M. Civil religion in Israel: From Begin to Netanyahu. *Tomsk State University Journal of History*, 2016, (2): 83–87. (In Russ.)] https://doi.org/10.17223/19988613/40/13